

DOI: 10.31857/S086919080016026-5

КОЛОНИАЛЬНАЯ КЕНИЯ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИЛЫ И ЛИНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ

© 2022

Г.А. КАРПОВ ^a

^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0001-7439-0927; gkarpov86@mail.ru

Резюме: Представленная статья посвящена изучению структуры общества и взаимоотношений различных этнических и социальных групп Кении эпохи колониализма. Выделено четыре основных центра силы – европейские колонисты, миссионеры, выходцы из Южной Азии и местное африканское население. Прослежены основные линии противоречий между ними, обозначены общие интересы и конфликтные зоны в условиях доминирующего значения метрополии, исполняющей роль третейского судьи. Особое внимание уделяется каналам прибытия в Кению, динамике роста численности и общественно-политического веса европейцев и индийцев, анализируются их основные претензии друг к другу, ресурсы влияния, методы достижения целей и отстаивания своих позиций. При безусловном политическом господстве выходцев из Европы британские власти были вынуждены признавать огромный вклад индийского капитала в развитие местной экономики, привлекать африканцев для службы в органах правопорядка и вооруженных силах, опираться на местные ресурсы для закрытия потребностей колонии в годы экономических кризисов и Второй мировой войны. Подъем индийского национализма способствовал усилению антиколониальных настроений в Кении и консолидации части африканской и южноазиатской элиты на попроще борьбы за независимость. Миссионерские организации внесли существенный вклад в распространение образования и медицины среди коренных жителей, дали толчок к развитию собственных христианских церквей в регионе, но, заняв непримиримую позицию по отношению к некоторым местным обычаям и традициям, подорвали доверие многих африканцев к себе. При этом миссионеры остались верны своим принципам и продолжали помогать африканцам. Колониальное кенийское общество было сильно сегрегировано, хотя официально режим апартеида там не существовал. В первые десятилетия независимости Кении сглаживаемые ранее Лондоном трения и противоречия заявили о себе с новой силой, что спровоцировало эмиграцию из страны лиц индийского и европейского происхождения.

Ключевые слова: Кения, Великобритания, миграция, Южная Азия, индийцы, миссионеры, колониализм, самоуправление, сегрегация.

Для цитирования: Карпов Г.А. Колониальная Кения: общественно-политические силы и линии противоречий. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 152–163. DOI: 10.31857/S086919080016026-5

COLONIAL KENYA: SOCIO-POLITICAL FORCES AND LINES OF CONTRADICTION

© 2022

Grigory A. KARPOV ^a

^a – Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-7439-0927; gkarpov86@mail.ru

Abstract: *The presented article is devoted to the study of the structure of society and the relationship of various ethnic and social groups in Kenya during the era of colonialism. There are four main centers of power – European colonists, missionaries, immigrants from South Asia and the local African population. The main lines of contradictions between them are traced, common interests and conflict zones are outlined in the conditions of the dominant importance of the metropolis. Particular attention is paid to the channels of arrival in Kenya, the dynamics of growth in the number and socio-political weight of Europeans and Indians, their main claims against each other; resources of influence and defending their positions are analyzed. With the unconditional political domination of immigrants from Europe, the British authorities were forced to recognize the huge contribution of Indian capital to the development of the local economy, attract Africans to serve in law enforcement, rely on local resources to cover the needs of the colony during the years of economic crises and World War II. The rise of Indian nationalism contributed to the strengthening of anti-colonial sentiments in Kenya and the consolidation of part of the African and South Asian elite in the simpler struggle for independence. Colonial Kenyan society was highly segregated. In the first decades of Kenya's independence, the frictions and contradictions that had been smoothed by London earlier made themselves felt with renewed vigor, which provoked the emigration from the country of people of Indian and European descent.*

Keywords: Kenya, UK, migration, South Asia, Indians, missionaries, colonialism, self-government, segregation.

For citation: Karpov G.A. Colonial Kenya: Socio-Political Forces and Lines Of Contradiction. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 152–163. DOI: 10.31857/S086919080016026-5

История колониальной Кении определяется периодом с последней четверти XIX в., когда Восточная Африка была поделена на сферы влияния между Великобританией и Германией, до получения ею независимости в 1963 г. Имперская британская восточно-африканская компания, созданная в 1888 г., оказалась не способна контролировать положение дел на вверенной Короной территории и была упразднена в 1894 г. После этого с 1895 по 1920 гг. Кения входила в состав Восточно-Африканского протектората Британской империи со столицей в Найроби. В статусе собственно колонии страна находилась с 1920 г., в том же году она получила свое современное название.

Одним из инструментов политики Соединенного Королевства в Кении стало привлечение в колонию приезжих, прежде всего, европейских поселенцев (из метрополии и других колоний), миссионеров, выходцев из Южной Азии, Британской Индии и Южной Африки. Уже к 1926 г. в Кении проживало 15 тыс. европейцев, 30 тыс. индийцев и около 2,6 млн коренных жителей, а в 1950 г. – 30 тыс., 135 тыс. и 5,2 млн, соответственно [Wolf, 1973, p. 401]. Данные о численности африканцев желательно воспринимать с существенными допущениями (из-за сложности подсчета на местах). Цифры, относящиеся к остальным

группам населения, можно считать вполне достоверными. При этом в Кении всегда абсолютно доминировало местное население, доля европейцев никогда не превышала 1%, а выходцев из Южной Азии – 3%.

В результате данной миграции структура общества в колонии стала весьма разнообразна, зародились и оформились местные политические силы. Между ними сформировались весьма непростые взаимоотношения, отягощенные, в том числе, необходимостью учитывать фактор влияния метрополии в этом регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ ИГРОКИ

Самой организованной и значимой силой в регионе были европейские поселенцы. Принятие курса на привлечение колонистов в Кению связано с приходом в 1901 г. на пост комиссара протектората Чарльза Элиота. В 1902 г. в Найроби выходцы из Европы создали первую общественную организацию – «Ассоциацию колонистов» (“Colonist’s Association”). С началом миграции почти сразу же произошло разделение потока приезжих на две основные группы.

Первая была немногочисленна и состояла преимущественно из европейских аристократов. У них было достаточно денег и влияния для того, чтобы приобретать огромные земельные владения, вести беззаботную жизнь, занимаясь хозяйством и развитием экономики по желанию, а не по необходимости [Izuakor, 1987, p. 404]. Типичным представителем данной прослойки общества был прославившийся своей экстравагантностью лорд Деламер – охотник, животновод-селекционер и один из лидеров колонистов.

Вторую группу представляли потенциальные фермеры, готовые обрабатывать землю ввиду образа жизни. Они представляли для колониальных властей больший экономический интерес, нежели праздная знать. Среди сельских жителей Южной Африки, Новой Зеландии, Канады, Ирландии и Австралии была проведена масштабная рекламная кампания по привлечению в Кению новых колонистов. «Постановление о землях Короны» 1902 г. (“Crown Lands Ordinance”) устанавливало право аренды земли на 99 лет, а с 1915 г. – на 999 лет. Такие сроки фактически означали право собственности и давали законные основания рассматривать землю в качестве твердой гарантии для выдачи займов колонистам [Izuakor, 1987, p. 405–406].

Тем не менее анклавы европейцев в Кении формировались крайне медленно. В период с 1902 по 1914 гг. в общей сложности прибыло 1,3 тыс. колонистов (небольшими партиями по 100–300 человек в год). В 1919 г. была принята программа по расселению в Кении бывших военнослужащих, участников Первой мировой войны (“Soldier Settlement Scheme”) [Duder, 1993, p. 79–80]. Под эту программу было выделено около 2 млн акров (800 тыс. гектаров) земли.

К 1921 г. численность европейцев в Кении составила 9 651 человек (взрослых и детей), а уже в 1923 г. по инициативе самих колонистов была создана «Кенийская комиссия по заселению и консультативной помощи» (“Kenya Land Settlement and Advisory Committee”). В своем абсолютном большинстве европейцы тогда были мигрантами в первом поколении. По данным на 1926 г. никто из европейских поселенцев старше 26 лет не родился в Кении [Duder, 1993, p. 69–80].

Европейцы пользовались благосклонностью британских властей: именно им в первую очередь предоставлялись наиболее удобные сельскохозяйственные угодья с благоприятным климатом в центральной части Кении – на т.н. «Белом Нагорье» (“White Highlands”). Всего для них было зарезервировано около 16,7 тыс. кв. миль. Выходцы из Европы обладали избирательными правами, могли использовать принудительный труд африканцев, владели

монополий на производство и экспорт многих видов продукции. За ними закреплялись отдельные районы проживания в городах. И если в 1914 г. на долю колонистов приходилось только 25% от общего объема экспорта сельскохозяйственных товаров, то в 1920-х гг. эта цифра составляла уже 80% [Izuakor, 1987, p. 408]. Относительная разнородность (аристократы, фермеры, офицеры) европейской этнической группы в составе населения колониальной Кении не должна нас смущать. При обострении отношений с метрополией в 1923 г. приезжие из Европы проявили удивительную сплоченность и смогли отстаивать свои интересы [Duder, 1989, p. 354–358].

Второй по влиятельности силой в колониальной Кении были выходцы из Южной Азии. Следы их присутствия на побережье Восточной Африки прослеживаются с I в. н. э. [Dickinson, 2015, p. 740]. Открытие британского консульства на Занзибаре в 1840-х гг. активизировало приток индийских поселенцев, и в конце XIX в. их насчитывалось около 6 тыс. человек [Kassam, 2009, p. 444]. Проникали индийцы и вглубь Восточной Африки: их первые поселения на материке датируются началом XIX вв.; в частности, община в Багамойо (современная Танзания) была образована еще в 1815 г. [Himbara, 1997, p. 7]. Мигрантов из Южной Азии британские власти стали активно привлекать в Кению даже немного раньше, чем европейцев – в конце XIX в. Невозможность найма представителей местного населения для строительства (продолжалось с 1896 по 1902 гг.) и дальнейшего обслуживания Угандийской железной дороги вынудила британские власти завозить рабочую силу. Из 34 тыс. человек, привлеченных на эту стройку, только 2 335 работников были наняты из числа африканцев, 31 983 мигранта прибыли из Британской Индии [Izuakor, 1987, p. 403].

Южноазиатские поселенцы поступали на колониальную службу, отвечали за снабжение и охрану транспортных узлов; позднее, к 1920–1930-м гг., многие из них стали крупными бизнесменами, промышленниками, меценатами. Британские колониальные власти видели в них своеобразное «посредническое меньшинство» (“middleman minority”) во взаимодействии с местными жителями [Dickinson, 2015, p. 741]. К концу колониальной эпохи трудно было найти сферу экономики Кении, где в той или иной мере не присутствовал бы капитал индийского происхождения, будто то торговля, транспорт, экспорт сельскохозяйственной продукции (чай, кофе, тростниковый сахар, каучук), производство (металла, мебели, парусных судов, мыла, пластмассовых изделий), недвижимость, строительство, финансы [Khurana, 2015].

Неоднозначную, хотя и влиятельную группу в колониальной Кении представляли европейские миссионеры. Они появились в Восточной Африке в середине XIX в. благодаря таким незаурядным подвижникам и проповедникам, как, например, Иоганн Людвиг Крампф и Йоханнес Ребманн. По мере проникновения в эти края европейцев и усиления влияния Короны христианские церкви (католическая и протестантские) стали активно открывать свои миссии. В 1895 г. была основана «Африканская внутренняя миссия» (“Africa Inland Mission”) – своеобразный проводник протестантских церквей в этом регионе. В 1905 г. Британский верховный комиссар в Кении учредил «Совет по образованию» (“Board of Education”), включавший представителей одиннадцати миссионерских обществ из «Объединенной Миссионерской Конференции» (“United Missionary Conference”). Одним из ярких и влиятельных миссионеров в Кении был представитель Шотландской церкви Джон Артур.

Впрочем, миссионеры преследовали свои цели, а ресурс влияния черпали там, где другие силы находили скорее отторжение и негатив, – среди местных жителей. Задача миссионера была тогда сформулирована предельно кратко – «быть старшим братом» (“to be the big brother”) [Mufaka, 2003, p. 49–50]. В современных реалиях это звучит уничижи-

тельно, но в те времена африканцы не могли рассчитывать от кого-то еще даже на подобное отношение. Практичные протестанты видели в них потенциальную паству – именно паству, единоверцев, а не слуг, бесполезных дикарей, у которых можно и должно изымать землю, призывной контингент для вспомогательных частей в армии или базу для эксплуатации и сбора налогов.

Миссионерские организации открывали школы и больницы, давали минимальные технические знания, помогали с трудоустройством, выступали представителями африканцев на локальном уровне и при обсуждении вопросов колониального развития в метрополии [Махон, 1991]. В частности, «Девонширская декларация» 1923 г. (“Devonshire White Paper”) не без участия миссионеров формально закрепила в колонии приоритет интересов именно африканского населения [Rice, 1923, p. 265].

Местные африканцы являлись самой многочисленной группой населения Кении, однако в действительности они были весьма слабы. Локальные распри (в стране насчитывалось до 27 родоплеменных образований), этническая и языковая разобщенность тормозили консолидацию. В управлении протекторатом и колонией они участия не принимали и регулярно подвергались эксплуатации, хотя свои собственные общественные объединения (по племенному обыкновению), пресса и даже политические организации у них существовали. Наиболее влиятельными среди них были «Ассоциация молодых кикуйю» (“Young Kikuyu Association”), «Центральная ассоциация кикуйю» (“Kikuyu Central Association”), «Ассоциация Тайта Хиллс» (“Taita Hills Association”), «Восточноафриканская ассоциация» (“East Africa Association”), «Союз луо» (“Luo Union”), «Кенийский африканский исследовательский союз» (“Kenya African Study Union”) [Frederiksen, 2011, p. 157–164]. Среди местной элиты в 1920–1930-х гг. появились свои лидеры – Гарри Туку, Питер Коинанге, Джомо Кениата.

Африканцы не были абсолютно бесправными: так, известен инцидент, произошедший в 1934 г., когда офицер-поселенец, инвалид майор Джеффри Слевин, до смерти избил работника африканского происхождения, за что был заключен в тюрьму, где и умер в ожидании суда [Duder, 1993, p. 84]. Восстание «мау-мау» в первой половине 1950-х гг., направленное против колониального господства, было подавлено властями, однако продемонстрировало возросший потенциал местных политических сил и ускорило процесс предоставления Кении независимости.

Итак, исходя из всего вышесказанного может сложиться впечатление, что европейцы в колониальной Кении выступали полновластными хозяевами, а остальные сообщества, находясь в подчиненном положении, всецело зависели от белых пришельцев; все конфликты и трения, если и случались между ними, то, как правило, завершались в пользу первых. На самом деле же взаимодействие между центрами силы было более многогранным, иногда противоречивым и далеко не всегда однозначным.

ЕВРОПЕЙЦЫ VS ИНДИЙЦЫ

Уже на заре присутствия европейцев в Кении стало очевидно, что быстро поднять местную экономику не получится. Разработка легкодоступных полезных ископаемых, золота или драгоценных камней, могла бы послужить драйвером роста, но таких природных ресурсов в Кении обнаружено не было. На строительство Угандийской железной дороги была привлечена колоссальная по тем временам сумма – 5,5 млн ф.ст. (частных и государственных средств). Окупаемость этого инфраструктурного проекта без активного использования и развития локальной экономики была невозможна. И здесь сыграли свою роль именно выходцы из Южной Азии. Они действовали там, где в силу климата и специфических условий не могли работать европейцы.

Потенциал индийского капитала британские власти активно использовали в годы Второй мировой войны и первые послевоенные десятилетия. Для закрытия потребностей в товарах и услугах начали привлекаться прежде всего внутренние ресурсы региона. 1 января 1948 г. для координации местного промышленного и торгового развития была создана «Восточноафриканская верховная комиссия» (“East African High Commission”), а также был принят ряд мер по поддержке местного бизнеса. Например, в 1950 г. была установлена 20% пошлина на многие импортируемые товары (стекло, мыло, текстиль, изделия из алюминия и т.п.), а на местах было налажено производство их аналогов. Вводилось 100% возмещение предпринимателям расходов на оплату пошлин при ввозе импортируемого сырья [Himbara, 1997, p. 12].

К 1950-м гг. выходцы из Южной Азии владели целыми металлургическими заводами и промышленными предприятиями, сформировав полноценный слой локальной торгово-промышленной буржуазии. Королевская комиссия по Восточной Африке в начале 1950-х гг. отмечала трудолюбие, упорство и организаторский талант индийских предпринимателей, которые берутся за развитие торговли и бизнеса в самых сложных и отдаленных районах Восточной Африки [Himbara, 1997, p. 8–10].

Нарастающее из года в год экономическое влияние индийцев и постоянная риторика британских властей о праве наций на самоопределение после Первой мировой войны подхлестнули рост индийского национализма везде, где присутствовали южноазиатские диаспоры, и Кения не стала исключением. Выходцы из Южной Азии засомневались в том, что раньше казалось незыблемым, – в безусловном превосходстве белого человека и его праве на повсеместное господство. Их претензии на управление колонией вращались вокруг четырех основных моментов – выделение земель в «Белом нагорье», сегрегация в городах, избирательное право и ограничение миграции.

В 1908 г. на уровне Министерства по делам колоний было зафиксировано, что «Белое нагорье» резервируется за европейцами (позднее это было подтверждено еще дважды – в 1920 и в 1922 гг.). Здесь уступок индийские мигранты не добились. В климатических условиях только этого региона европейцы могли относительно нормально жить и заниматься хозяйством [Rice, 1923, p. 259–261].

Традиция раздельного проживания в Кении восходит к 1908 г., когда началась вспышка чумы. Власти объясняли это бедствие антисанитарными условиями на рынке, который контролировали южноазиатские предприниматели. В Найроби были выделены отдельные кварталы для проживания разных этнических групп: так, вместе с европейцами могли селиться только индийцы из высших слоев общества, что для выходцев из Южной Азии, привыкших к парадигме многовековой кастовой сегрегации у себя на родине, оставалось очень чувствительным ограничением.

Что касается избирательных прав и контроля миграции, то выходцам из Индии здесь сопутствовал успех. По результатам так называемого «индийского» кризиса 1923 г., когда в Лондон для отстаивания своих интересов прибыли три делегации: европейская, индийская (азиатская) и миссионерская; тогда же была принята «Девонширская декларация» 1923 г. (“Devonshire White Paper”). Этот документ представлял попытку компромисса между различными силами. В Законодательном совете, изначально состоявшем из 18 официальных лиц, 11 избираемых европейцев и 2 назначаемых индийца, последним было выделено пять мест [Rice, 1923, p. 265–266]. В 1927 г. в данный совещательный орган впервые были избраны представители мигрантов индийского происхождения. Отметим, что реальная власть в колонии все равно принадлежала губернатору, который проводил политику метрополии.

Вопрос об ограничении миграции индийцев был болезненным для обеих сторон. Европейцы видели в миграции из Южной Азии угрозу своему будущему в Кении, особенно

в свете очевидного процесса «индианизации» (“indianization”) офицерского корпуса вооруженных сил в Британской Индии [Duder, 1989, p. 349–353]. Две «Имперские конференции» (“Imperial Conferences”), 1918 и 1921 гг., закрепили за членами Британского Содружества право контролировать состав собственного населения через ограничение миграции выходцев из любого сообщества. Однако индийцы здесь полагали, что горстка европейских поселенцев в Кении никак не может представлять интересы всей колонии.

К началу 1923 г. зашла речь о вероятности прямого столкновения европейских поселенцев с индийцами и колониальными войсками. Лидером потенциальных повстанцев стал бригадный генерал Филип Уитли. Именно он и его сторонники в 1922–1923 гг., угрожая метрополии так называемым «прямым действием» (“direct action”), по сути, организованным вооруженным восстанием, смогли сохранить часть своих привилегий (прежде всего в распределении земель) [Duder, 1989, p. 349–353]. Европейским колонистам не получилось закрепить за собой право ограничивать приезд индийцев в Кению, но и на самотёк данный процесс оставлен не был – эти полномочия были делегированы колониальным властям на местах. Вопрос о самоуправлении в колонии или даже о собственной государственности (по примеру Южной Африки) с повестки дня был снят.

Относительно итогов данного противостояния ни у кого иллюзий не было уже тогда, в 1920-х гг. Каждая из сторон получила определенные уступки, но баланс интересов и сил между индийцами и европейцами в Кении мог сохраняться только пока у Лондона было достаточно ресурсов поддерживать порядок в колониальных владениях.

ЕВРОПЕЙЦЫ VS АФРИКАНЦЫ?

Африканцам нечего было противопоставить превосходству пришлых европейцев. На первый взгляд особых противоречий между колонизаторами и местным населением в Кении и быть не могло в силу тотального господства первых и полной зависимости вторых. Изначальное положение дел было близко к этому предположению.

На рубеже XIX–XX вв. британские власти проработали основания для возможности и необходимости отчуждения у местного населения якобы пустующих плодородных земель в пользу колонистов. Министерство иностранных дел этот подход одобрило и всемерно поощряло миграцию европейцев [Izuakor, 1987, p. 403]. В отношении местных жителей была внедрена практика выдачи удостоверений – «кипанде» (“kipande”). С 1920 г., согласно постановлению о регистрации (“Native Registration Amendment Ordinance”), наличие такого удостоверения стало обязательным для всех африканских мужчин старше 15 лет. Кипанде содержало личные данные, отпечатки пальцев и трудовой стаж. Данный документ нужно было постоянно носить на шее, в специальном футляре. Заключение трудового контракта на основе кипанде для африканца нередко означало фактическую кабалу [UK Parliament, 1929].

В 1907 г. британцы запретили среди местных племен рабовладение, но сохранили практику использования принудительного труда. С африканцев собирали особый «налог на хижины» (“hut tax”), который разорял наиболее состоятельных членов племен. Подушным налогом облагались, в том числе, и женщины (за исключением вдов и тех, кто не достиг детородного возраста), хотя самостоятельной экономической единицей они в условиях традиционного общества не были. Имели место прецеденты, когда этот налог собирали с детей 13 лет [UK Parliament, 1929].

К управлению протекторатом и колонией африканцев не допускали в принципе, хотя существование общественных объединений среди них разрешалось. В 1922 г. африканцы через «Ассоциацию коренных кикуйю» попытались сформулировать свои претензии к

колониальным властям, направив серию писем губернатору Кении и в Министерство по делам колоний. Местные активисты указывали на недооцененный вклад африканцев в победу Великобритании в Первой мировой войне, когда было мобилизовано свыше 200 тыс. кенийцев, на злоупотребления чиновников при сборе налогов, на их вмешательство во внутриплеменные дела, а также просили отменить ношение кипанде в пределах племенных ареалов [Mufaka, 2003, p. 53]. И тем удивительнее тот факт, что голос коренных жителей был услышан.

Согласно постановлению 1924 г. ("1924 Education Ordinance"), для местных жителей создавались технические школы, где они могли получить знания по простейшим специальностям. Африканцам была разрешена общественная и политическая активность. Но в Законодательный совет они избираться не могли, и представлять их интересы было поручено миссионерам. Только в 1944 г. первый кениец смог войти в состав этого государственного органа. И лишь в 1956 г., после разгрома восстания «мау-мау», кенийцы получили ограниченные избирательные права.

Тем не менее в колониальной Кении были прецеденты, когда взаимодействие между европейцами и африканцами было позитивным, даже в чем-то взаимовыгодным. Заслуживает внимания феномен сквоттинга, самозахвата пустующих земель коренным населением, причем нередко с одобрения европейских хозяев. В 1930-х гг. около 2 тыс. фермеров владели огромными по площади угодьями, но обрабатывали далеко не всю землю – не хватало ресурсов. Еще в 1918 г. колониальная администрация запретила сдачу земель в аренду африканцам, поэтому европейцы решали данный вопрос с ними напрямую, иногда позволяя последним селиться на пустующих территориях, площадь которых к 1940 г. достигала 1 млн акров [Izuakor, 1987, p. 412–413].

Местные власти активно привлекали коренных жителей для службы в полиции. Вербовали их в основном в местные отделы, занимавшиеся сугубо локальными вопросами (бытовая преступность, межплеменные споры, угон скота и пр.), для работы на земле (административную часть обычно вели индийцы). И если в 1938 г. в центральных органах кенийской полиции британское происхождение имели 28 офицеров и 113 инспекторов, индийское – 32 инспектора и 3 сержанта, африканское – 5 инспекторов и 1 906 сержантов и констеблей, то в 1949 г. – уже 84 офицера и 269 инспекторов, 41 инспектор и 22 сержанта, 115 инспекторов и 5 542 сержанта и констебля, соответственно [Wolf, 1973, p. 406–407]. Налицо тренд абсолютного и относительного увеличения числа африканцев в полиции.

В экономике имелись сферы деятельности, где не наблюдалось антагонизма между африканцами и европейцами. К таковым можно отнести распространение в Кении таких коммерческих сельскохозяйственных культур, востребованных на глобальном рынке, как, например, кофе. Великая депрессия рубежа 1920–1930-х гг. и Вторая мировая война пошатнули финансовое благополучие европейских экспортеров, что также способствовало подъему альтернативного производства этого продукта в Кении. В 1933–1947 гг. в ряде районов (Гусии, Эмбу и Меру) был проведен успешный эксперимент по выращиванию этой культуры местным населением, что отвечало интересам и торговцев, и африканцев, которые получили дополнительный источник заработка [Barnes, 1979, p. 203–204]. Кофейная индустрия Кении с того времени получила мощный импульс к самостоятельному развитию.

АФРИКАНЦЫ VS ИНДИЙЦЫ?

Индийский бизнес в Кении преследовал вполне очевидную цель – извлечение прибыли любыми незапрещенными методами. Например, без всяких зазрений совести выходцы из Южной Азии занимались в Восточной Африке и работорговлей (пока в 1840-х колониаль-

ные власти не запретили этот промысел). Конечно, индийские дельцы, используя труд африканцев, неизбежно способствовали приобретению последними не высококвалифицированных, но вполне востребованных специальностей (портные, плотники, кузнецы, сапожники, каменщики и др.) [Frederiksen, 2011, p. 161]. Однако это сочеталось с подавлением местной предпринимательской активности.

В первые десятилетия XX в. в Британской Восточной Африке индийцы фактически установили свою монополию в торговле и мелком бизнесе. В этой сфере их привлекало все, в том числе, публичные дома, незаконное производство алкоголя, подпольные казино, скупка краденного. В ход шли все методы «дикого» капитализма – демпинг, картельные сговоры, получение сверхприбылей, ценовые войны, спекуляция, мошенничество и пр. Стремясь ограничить развитие товарно-денежных отношений среди африканцев, индийцы сохраняли и поддерживали во взаимодействии с местными жителями бартер. К 1910-м гг. его доля в отдельных районах Кении достигала 25% [Spencer, 1981, p. 327–329].

Закабаление африканских земледельцев через выдачу им займов под чудовищные проценты (и впоследствии отчуждение земель у местного населения) достигло такого масштаба, что вызвало беспокойство колониальной администрации экономической безопасностью региона. Постановление о доверительном управлении 1930 г. (“The Native Lands Trust Ordinance”) закрепило принцип, согласно которому отчуждать земли у местного населения за долги можно было только с одобрения местного туземного совета [Spencer, 1981, p. 335–343].

Однако были сферы деятельности, где эти этнические группы имели общие интересы. Например, локальная пресса превратилась в инструмент распространения антиколониальных настроений. Подобного рода активность стала особенно заметна с 1920-х гг., когда и африканские, и индийские издания в Кении стали служить опорой для реальной политической борьбы, не замыкаясь на сугубо внутренней ситуации, но и устанавливая и развивая связи с другими центрами сопротивления.

К наиболее значимым африканским изданиям в разное время относились «Муигвитания» (“Muigwithania”), «Муменьерери» (“Mumenyereri”), «Рамоги» (“Ramogi”), «Ньянза Таймс» (“Nyanza Times”). Среди индийцев серьезным авторитетом пользовались «Колониал Таймс» (“Colonial Times”), «Ист Африкан Стандарт» (“East African Standard”), «Демократ» (“Democrat”), «Митром» (“Mitrom”); последнее вообще выходило трех языках (английский, урду, хинди). Существовала даже пресса, ориентированная на небольшие общины, например, гоанцев: в 1927–1931 гг. – «Фейр Плей» (“Fair Play”) и в 1943–1963 гг. – «Гоан Войс» (“Goan Voice”) [Frederiksen, 2011, p. 157–164]. К началу 1950-х гг. в Кении выходило не менее 50 различных газет, прямо или косвенно критиковавших колониальное правление и поддерживавших идеи местного национализма.

Индийские и африканские журналисты нередко помогали друг другу, совместно собирали материал, готовили и выпускали статьи. Между странами шел активный процесс перемещения публицистов и общественных деятелей. В 1940-х гг. Индию посетили несколько видных африканских политических фигур, в том числе Мбию Коинанге. В 1947 г. в Кению вернулся Махан Сингх – по сути, основатель профсоюзного движения в Кении. Действовали программы по обучению кенийских студентов в индийских университетах. Между Индией и Кенией сформировалась так называемая «круговая мобильность» (“circular mobility») [Frederiksen, 2011, p. 157].

Удивительно, но колониальные власти позволяли протестным изданиям функционировать многие годы. «Постановление о книгах и газетах» 1906 г. (“Book and Newspaper Ordinance of 1906”) обязывало регистрировать издания и публиковать выходные данные материала (название здания, номер, имя и адрес владельца, среднегодовой тираж), но не

более. Лишь какое-то масштабное событие (Вторая мировая война, восстание «мау-мау», открытые призывы к мятежу и т. п.) могло послужить поводом для закрытия печатного органа.

Только в 1950 г. в Кении было разрешено изъятие тиражей и закрытие газет в случае их причастности к подстрекательским действиям против существующего режима. И даже в условиях политического кризиса первой половины 1950-х гг., когда работа почти всех африканских изданий была приостановлена, индийские печатные органы продолжали функционировать.

МИССИОНЕРЫ VS АФРИКАНЦЫ?

Как мы отмечали выше, миссионерские структуры лояльно относились к местному населению, выступали проводниками в транзите достижений западной цивилизации по части медицины, образования, санитарии, сельского хозяйства. Протестантские церкви и их лидеры нередко действовали как выразители интересов африканцев при взаимодействии с колониальным правительством и метрополией.

Но безоблачным взаимодействие европейских проповедников с коренными кенийцами, конечно, не было. Христианство было вынуждено приспосабливаться под местную специфику, хотя по ряду пунктов (рабовладение, принудительный труд, многоженство и др.) миссионеры занимали совершенно непримиримую позицию, что омрачало их общение с африканцами, вплоть до открытого противостояния.

Особое негодование пастырей вызывала традиция «женского обрезания», не просто широко распространенная среди кенийцев, а являвшаяся в норме совершенно обязательной процедурой, например, для кикую. Женщины кикую, не прошедшие этот важнейший для их доли обряд, «ируа» (“*igua*”), по сути, инициации, на брак рассчитывать не могли и считались изгоями. Такого рода процедуры не были запрещены в священных текстах, и апеллировать к духовным авторитетам проповедники не могли.

Борьба с этим явлением началась в начале XX вв., когда о нем было накоплено достаточно информации, а позиции миссионеров в Кении укрепились. В 1906 г. кампанию по борьбе с «женским обрезанием» вступила в открытую фазу. Сперва были попытки организации медицинского обучения для более безопасного и менее травмирующего проведения операций. Успеха этот подход не имел. Старейшины кикую увидели в этом вторжение во внутриплеменную жизнь, ломающее порядок и саму суть древнего ритуала [Mufaka, 2003, p. 51].

На миссионерских конференциях, состоявшихся в 1918 и 1922 гг., христианские церкви в Кении дружно осудили практику ранних браков среди местных жителей. Именно с возрастом матерей и последствиями проведения «женского обрезания» Дж. Артур связывал ужасающую (до 50%) детскую смертность в племенах кикую. Хотя справедливости ради надо отметить, что и в Англии в то время примерно каждый четвертый малыш не доживал до одного года.

С середины 1920-х гг. протестанты взяли курс на полное искоренение «женского обрезания». Что интересно, миссионеры Католической церкви, тоже работавшие в Кении, и от активного участия в миссионерских конференциях воздержались, и ребром вопрос по поводу этого обычая не ставили. Пик противостояния пришелся на 1929–1931 гг.: 11 декабря 1929 г. эта проблема удостоилась обсуждения в Палате общин Британского парламента. А в январе 1930 г. на почве обострения трений между миссионерами и местными жителями была убита Хульда Штумпф, американская миссионерка. К концу 1930-х гг. накал страстей пошел на спад, но проблема остается актуальной по сей день.

В итоге авторитет миссионеров в глазах местного населения серьезно пострадал. Тем не менее они остались верны своим принципам и продолжали помогать африканцам. Однако, доверие кенийцев к ним в результате этой, по сути, провальной кампании было подорвано и уже никогда не вернулось на докризисный уровень. Африканцы пошли по пути создания собственных церквей, представляющих из себя крутой замес библейских постулатов и местных духовных практик. Такой стала, например, «Кенийская независимая церковь» (“Kenyan Independent Church”), известная также как «Церковь Святого Духа» (“Holy Spirit Church”). Многие подобные ей религиозные течения стали оплотом антиколониальной борьбы. Сейчас по разным подсчетам в Африке насчитывается до 7 тыс. независимых самоуправляющихся церквей, в самой Кении – около 200–300 [Hoehler-Fatton, 1998, p. 394].

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы можем наблюдать, насколько причудливо и неоднозначно могли переплетаться интересы различных общественных групп в Кении эпохи колониализма. Множество факторов влияло на состояние и развитие уже разнородного по составу кенийского общества – экономическая конъюнктура, демография, религиозные аспекты, политические амбиции, внешняя обстановка и пр.

Пока метрополия контролировала ситуацию, противоречия и конфликты между центрами влияния удавалось сглаживать, нередко даже к взаимной выгоде и пользе. Индийская диаспора Кении год от года богатели. Численность коренного населения за то время пока страна числилась колонией (с 1920 по 1963 гг.) как минимум удвоилась. Вполне комфортно ощущали себя и европейские колонисты, хотя самоуправления они не добились. Сохранялась бытовая сегрегация и неравенство в правах, но при этом общественная и политическая активность были разрешены.

Впрочем, гармоничным такое состояние социума назвать было нельзя. После распада колониальной системы подспудные трения мгновенно всплыли наружу и предстали в совершенно ином свете. В новых условиях миссионеры окончательно утратили влияние, а индийцам и европейцам вообще не нашлось места в независимой Кении. Буквально в течение первого десятилетия молодой кенийской государственности они были вынуждены массово эмигрировать из страны [Hansen, 1999, p. 816–821].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Barnes C. An Experiment with Coffee Production by Kenyans, 1933–48. *African Economic History*. 1979. No. 8. Pp. 198–209.

Dickinson J. Chronicling Kenyan Asian Diasporic Histories: “Newcomers”, “Established” Migrants, and the Post-Colonial Practices of Time-Work. *Population, Space and Place*. 2015. Vol. 22. No. 8. Pp. 736–749.

Duder C.J. The Settler Response to the Indian Crisis of 1923 in Kenya: Brigadier General Philip Wheatley and “Direct Action”. *The Journal of Imperial and Commonwealth History*. 1989. Vol. 17. No. 3. Pp. 349–373.

Duder C.J. “Men of the Officer Class”: The Participants in the 1919 Soldier Settlement Scheme in Kenya. *African Affairs*. 1993. Vol. 92. No. 366. Pp. 69–87.

Frederiksen B.F. Print, Newspapers and Audience in Colonial Kenya: African and Indian Improvement, Protest and Connections. *Africa: Journal of the International African Institute*. 2011. Vol. 81. No. 1. Pp. 155–172.

- Hansen R. The Kenyan Asians, British Politics, and the Commonwealth Immigrants Act, 1968. *The Historical Journal*. 1999. Vol. 42. No. 3. Pp. 809–834.
- Himbara D. The “Asian question” in East Africa. *African Studies*. Vol. 56. No. 1. Pp. 1–18.
- Hoehler-Fatton C. Founders and Foundresses: Revising the History, of a Kenyan Independent Church. *Religion*. 1998. No. 28. Pp. 393–404.
- Izuakor L.I. Kenya: Demographic Constraints on the Growth of European Settlement, 1900–1956. *Africa: Rivista trimestrale di studi e documentazione dell'Istituto italiano per l'Africa e l'Oriente*. 1987. Anno 42. No. 3. Pp. 400–416.
- Kassam A. In Search of the Good Life: Life-History of a Kenyan Indian Settler. A Sartrean Approach to Biography and History. *History and Anthropology*. 2009. Vol. 20. No. 4. Pp. 435–457.
- Khurana A. Bhuj Boy Turned African Trade Pioneer. *The Times of India*. 10 January 2015. <https://timesofindia.indiatimes.com/india/Bhuj-boy-turned-African-trade-pioneer/articleshow/45830768.cms> (accessed: 23.07.2021).
- Maxon R.M. The Devonshire Declaration: The Myth of Missionary Intervention. *History in Africa*. 1991. Vol. 18. Pp. 259–270.
- Mufaka K. Scottish Mission and the Circumcision Controversy in Kenya 1900–1960. *International Review of Scottish Studies*. 2003. Vol. 3. Pp. 47–58.
- Rice S. The Indian Question in Kenya. *Foreign Affairs*. 1923. Vol. 2. No. 2. Pp. 258–269.
- Spencer I.R.G. The First Assault on Indian Ascendancy: Indian Traders in the Kenya Reserves, 1895–1929. *African Affairs*. 1981. Vol. 80. No. 320. Pp. 327–343.
- UK Parliament. *Colonial Policy in Relation To Coloured Races*. Vol. 233: debated on Wednesday 11 December 1929. Col. 586. <https://hansard.parliament.uk/Commons/1929-12-11/debates/faa8e1ff-9fb8-4e1e-be35-cab9f7078732/ColonialPolicyInRelationToColouredRaces> (accessed: 23.07.2021).
- Wolf J.B. Asian and African Recruitment in the Kenya Police, 1920–1950. *The International Journal of African Historical Studies*. 1973. Vol. 6. No. 3. Pp. 401–412.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КАРПОВ Григорий Алексеевич – кандидат исторических наук, Центр изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Grigory A. KARPOV, PhD (History), Center for the Study of Russian-African Relations and Foreign Policy of African Countries, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.